

УДК 821.161.1.-1Козлов«19»

Светлана Фокина

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ АЛЛЮЗИИ В ЦИКЛЕ СКАЗОК С. КОЗЛОВА
«О ЁЖИКЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ»**

В статье исследовательский поиск направлен на осмысление интертекстуальных, ассоциативных и подтекстовых уровней цикла С. Козлова «О Ёжике и его друзьях». Осмыслен феномен аллюзивной специфики сказок. Представлена интерпретация авторских коннотаций в соответствии с контекстом всего цикла сказок о Ёжике.

Ключевые слова: аллюзия, интертекст, подтекст, сказка, Ёжик в тумане.

У статті дослідницький пошук спрямовано на осмислення інтертекстуальних, асоціативних та підтекстових рівнів циклу казок С. Козлова «Про Їжачка та його друзів». Осмислено феномен аллюзивної специфіки казок. Представлена інтерпретація авторських конотацій відповідно до контексту усього циклу казок про Їжачка.

Ключові слова: аллюзія, інтертекст, підтекст, казка, Їжачок у тумані.

In the article is directed the research search to on the comprehension of intertextual, associative and subtext levels cycle of fairy-tales by S. Kozlov «Hedgehog in the Fog». It is intelligent the phenomenon of fairy-tale's autoreminiscence. It is presented interpretation of authorial connotations in accordance with the context of all cycle of fairy-tales about Hedgehog.

Key words: allusion, intertextuality, subtext, fairy-tale, Hedgehog in the Fog.

Ситуация изучения цикла сказок С. Козлова «О Ёжике и его друзьях» довольно противоречива. В основном исследовательский поиск сосредоточен на мультфильме Ю. Норштейна «Ёжик в тумане» и его различных прочтениях. Среди знаковых работ, посвященных анализу смысловых пластов «Ёжика в тумане», достаточно вспомнить статью О. Лекманова «Из какого тумана вышел Ёжик Ю. Норштейна» [12], где внимание сфокусировано на различных смысловых и тональных переключках норштейновского произведения с фильмом «Амаркорд» Ф. Феллини. Показательна и юнгианская линия в научной рецепции текстов о Ёжике. Так, в статье А. Демкина «“Ёжик в тумане”: апокрифическая мифология детской сказки» в контексте доминат аналитической психологии выявлено приобщение героя к шаманической ипостаси. С точки зрения А. Демкина, «волшебные <...> звери в сказках Козлова также рассказывают <...> об измененных состояниях сознания... <...> беседуют с частями природы вокруг них, слушают голоса тех, кого нет рядом, и общаются друг с другом во сне» [4].

При накопленном интерпретационном материале норштейновской притчи практически не рассмотрены и иные контексты худо-

жественного универсума сказок С. Козлова. Прежде всего до конца не осмыслены различные интертекстуальные отсылки, связывающие «Ёжика в тумане» и другие сказки цикла со знаковыми текстами русской и мировой литературы.

Цель данной статьи исследовать аллюзивную специфику цикла С. Козлова «О Ёжике и его друзьях», воссоздав художественную генеалогию главного героя.

Особое свойство аллюзии — быть вне «буквальности и эксплицитности» и выступать «косвенной отсылкой к литературным текстам» [14, с. 91]. Данное качество по замечанию Н. Пьеге-Гро заставляет «особым образом <...> работать память читателя» [14, с. 92]. Согласно Н. Фатеевой, от цитаты аллюзию отличает фактор, что «заимствование элементов происходит выборочно» [17, с. 129]. Так аллюзия актуализирует смысловой потенциал нового текста, но интертекстуальные связи остаются зачастую скрытыми. Показательна мысль И. Фоменко, что «цитата, реминисценция, аллюзия, любая отсылка к “чужому” слову» [18, с. 122] прежде всего «узнанный читателем “другой” голос, <...> независимо от того, обусловлено ли это авторским замыслом» [18, с. 122]. Аллюзивная специфика сказок С. Козлова одновременно отличается как принципиальной ориентированностью на “предисточники”, так бессознательным и интуитивным характером.

Сказка «Ёжик в тумане», благодаря экранизации Ю. Норштейна наиболее известная из всего цикла, начинается с истории о каждомечерном чаепитии Ёжика в компании его друга Медвежонка и о том, как друзья смотрят на звезды: «*Справа от трубы были звезды Медвежонка, а слева — Ёжика*» [10 с. 13]. Характерно изначальное восприятие небесной сферы, а в подтексте реальности, друзьями. За Медвежонком, олицетворяющим в сказке земное начало, закрепляется правая сторона неба. Ёжику, неизменному мечтателю — немного не от мира сего, достается левая половина небосклона и звезды на ней. Такое разделение может быть мотивировано мифологическими представлениями, связанными с бинарной оппозицией право / лево, а также со сведениями об особенностях влияния работы полушарий мозга на правую и левую стороны человеческого организма. Согласно мифологическим традициям «значения “левый”; “правый” соотносятся, прежде всего, со значением “рука”» [13, с. 207]. Рука человека, в свою очередь, «рассматривалась как своего рода источник

предсказания будущего (гадание по руке)» [13, с. 207]. Выбор «правого» или «левого» становится знаком судьбы и определяет жизненный путь. Мифологические представления наделяют «правое» позитивным потенциалом, а «левое» — негативным. Но семиотические коннотации бинарной оппозиции право / лево значительно расширяются благодаря изучению работы мозга. Так В. Иванов отмечает, что по «традиционным выводам нейрофизиологии, намеченным отчасти уже в древнеегипетских медицинских папирусах <...> у взрослых людей <...> левое полушарие считается доминантным — главным. Оно управляет движениями главной — правой руки и речью» [7, с. 412]. Правая сторона, управляемая левым полушарием мозга, идентифицируется с представлениями о зрелости, логичности, вербальности и осознанности. Правое же полушарие, которое координирует левую сторону, «занято, прежде всего, пространственными операциями и наглядным восприятием внешнего мира в отличие от левого — логического и грамматического» [7, с. 413]. Соотнесение Ёжика с левой стороной очерчивает предназначение, психотип и символические функции этого персонажа. В отличие от своего друга Медвежонка Ёжик лишен практичности и логичности поведения, он инфантилен, мечтателен, ориентирован на сферу духовного и воображения.

Корреляция с левой стороной в определенной степени связывает с образом Ёжика не только символику и представление о «левом», но и задает его восприятие как левши, что позволяет расширить смысловой потенциал персонажа. П. -М. Бертран отмечает, что в контексте культурных, религиозных и суеверных представлений левши всегда воспринимались неоднозначно. Данная ситуация могла варьироваться от неприятия и соотнесения со злом, неверностью и опасностью до «тревожного восхищения, которое могли вызывать «люди наоборот»» [2, с. 223]. И в случае, если левши наделялись своего рода превосходством, то представлялись «людьми «за пределами обычности», со всей той степенью отчужденности, которую влечет за собой подобная формулировка» [2, с. 223].

В цикле козловских сказок Ёжик неизменно устремлен ввысь к небесным сферам и наделен даром видеть предметы, события и природные явления особым образом: ««Звезда!» — подумал о звезде в небе. И поглядел на звезду так, как будто впервые ее увидел» [10, с. 13]. Свообразие восприятия Ёжика акцентирует как остранение, так и медальный, пророческий статус персонажа.

Для различных символических традиций характерны солярные коннотации ежа. Еж «свернутый в колючий шар <...> представлял собой аналогию с солнечными лучами» [16]. В мифологии славян еж «самый мудрый из всех животных», ему «присущи магические и лечебные свойства» [3, с. 257].

Несмотря на ориентированность цикла о Ёжике на детскую аудиторию, в подтексте сохранен притчевый потенциал, аналогичный сказке А. Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Некая неотмирность – инопланентность Ёжика, инфантильность и в то же время способность к духовному прозрению сближает этот образ с героем А. Сент-Экзюпери. Так же, как и Маленький принц, Ёжик связан с символикой солнечного света. Волосы-лучи Маленького принца («<...> у тебя золотые волосы» [15, с. 240]) эквиваленты иголкам Ёжика. В одной из сказок цикла о Ёжике и его друзьях герой упоминает: «Я похож на солнышко!». Повторен и мотив влюбленности в цветок, символизирующий женственность. Так в сказке «Ромашка» Ёжик влюблен в Ромашку подобно тому, как Маленький принц в Розу. «Это было в июне. Ёжик влюбился. <...> Ёжик ходил большими кругами вокруг Ромашки и боялся к ней подойти» [9, с. 11].

Дальнейшее расширение ассоциативного плана художественной генеалогии героя в глубинном подтекстовом слое позволяет выявить интеллект, отсылающий к образу князя Мышкина.

На первый взгляд сказки для детей С. Козлова с образной системой романа Ф. М. Достоевского «Идиот» никак не связаны. Но аналогия с Маленьким принцем позволяет сделать и более невероятное допущение касательно ориентации образа козловского Ёжика на «вполне прекрасного человека», воплощенного в художественном мире Ф. Достоевского.

Обоих героев объединят некоторая странность, болезненность и почти полная неприспособленность к быту, взамен чего оба наделены духовностью и предельной чуткостью к тому, что остается для других незаметным. Кроме игрового совпадения некоторых сторон психотипа князя Мышкина и козловского Ёжика при тщательном анализе можно найти более завуалированные и важные уподобления. Так в некоторых сказках козловского цикла Ёжик падает, переживая при этом совершенно особое, не испытанное до этого состояние, меняющее мироощущение. «Полз он долго-долго и вдруг почувствовал, что земли под ним нет и он куда-то летит» [8, с. 6].

Эти полеты-падения Ёжика могут, на уровне подтекста, соотноситься с приступами эпилепсии князя Мышкина, изначально вызывающими ощущение просветления. « <...> вдруг как бы что-то разверзлось перед ним: необычайный внутренний свет озарил его душу. Это мгновение продолжалось, может быть, полсекунды... <...> Затем сознание его угасло мгновенно, и наступил полный мрак» [5, т. 6, с. 249].

Примечательно, что козловский Ёжик не только падает, но иной раз проваливается в яму в разных сказках: «Ёжик провалился в вольчю яму и просидел там неделю» [8, с. 39]. Согласно утверждению В. П. Белянина, тема падения может выступать в тексте имплицитным знаком эпилепсии [см. 1, с. 107]. В. Белянин указывает и другие семантические эквиваленты, в подтексте также подразумевающие эпилепсию. «Также достаточно регулярно наравне с падением и спотыканием <...> встречаются 'спуск вниз', в подвал, в подземелье, в нору» [1, с. 108].

В то же время эстетика козловских сказок не соответствует эпиплетойдному дискурсу, соотносимому В. П. Беляниным с типом «темного текста» и акцентированием телесного и сумрачного. Ёжик неизменно, даже подчеркнуто, противопоставлен телесному миру и ориентирован на духовное и небесное.

Если рассматривать различные варианты падения Ёжика как парафраз приступов эпилепсии князя Мышкина, то, вероятно, болезнь интерпретируется в виде своего рода стигматов, что, вероятно, связано с некоторой ее мифологизацией в культуре. Согласно данным, приводимым Р. Лахманн, «эпилепсия — болезнь, традиционно наделявшаяся возвышенно-духовными коннотациями (святая болезнь, *morbus sacer*). Припадки эпилепсии случались с выдающимися мужами — историческими и мифологическими героями...» [11, с. 157]. В козловском цикле о Ёжике «решительный и невыносимый ужас, имеющий в себе даже нечто мистическое» [5, т. 6, с. 250], производимый на окружающих видом эпилептического припадка, полностью отсутствует, что обусловлено дискурсом детской сказки.

Аллюзия на образную систему «Идиота» скрыта и во фрагменте «Ёжика в тумане», где герой представлен, идущим в гости к другу Медвежонку, «задрал мордочку к небу, заложив лапки с узелком за спину» [10, с. 13]. Тема узелка обладает аллюзивной спецификой и напоминает о приезде из Швейцарии князя Мышкина. «— И небось в этом узелке вся ваша суть заключается? — спросил черномазый (Рогожин. — С. А.). <...> Оказалось, что и это было так: белокурый молодой человек (князь

Мышкин. — С. А.) *тотчас же и с необыкновенною поспешностью в этом признался*» [5, Т. 6, с. 7–8]. Издевка Рогожина и связанная с ней метафора в тексте козловской сказки реализуется буквально. Узелок не только своего рода талисман Ёжика, без которого он не сможет вернуться из тумана, но и метафорически предстает хранилищем части его души, памяти о земном мире и тех, к кому он там привязан. *«Ёжик попятился и вдруг вспомнил про узелок. Он метнулся назад, вернулся, бросился вперед, крутнулся на месте. Узелка не было...»* [10, с. 15].

Для прояснения художественной генеалогии Ёжика важен и эпизод романа «Идиот», в котором Аглая посылает князю Мышкину в подарок ежа. *«Как только Аглая получила ежа, тотчас же уложила его <...> в плетеную корзинку»,* передав князю *«от ее имени, с просьбой принять в «знак глубочайшего ее уважения»* [6, т. 7, с. 207]. Аглаев подарок должен стать знаком *«дружества, забвения обид и примирения»* [6, т. 7, с. 207]), а главное, отразить чистоту и открытость сердца самого князя. В сказочном универсуме С. Козлова Ёжик в игровом ключе «наследует» черты характера и частично своеобразие поведения и отношения к миру князя Мышкина.

На уровне подтекста в образе Ёжика определяющими признаками его художественной генеалогии предстают душевная чистота, отрешенность от земного и пронизательность, свойственная героям Ф. М. Достоевского и А. Сент-Экзюпери. Ёжик способен увидеть то, что скрыто от других, переплыть реку — своеобразный эквивалент Леты, и просветленным вернуться в обычный мир к своему другу Медвежонку чаевничать. В соответствии с этим козловский герой живет по закону, который открыл Маленькому принцу Лис: *«...зорко одно только сердце. <...> Самого главного глазами не увидишь»* [15, с. 234]. Именно зоркость сердца делает Ёжика рассеянным к обыденному, но зато надеяет внутренним светом, дающим возможность пройти сквозь туман.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане анализа аллюзивной специфики современной детской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин В. П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя : [монография] / В. П. Белянин. — М. : Генезис, 2006. — 320 с.
2. Бертран П.-М. Зеркальные люди. История левшей ; [пер. с франц. К. Щербино] / П.-М. Бертран. — М. : НЛО, 2005. — 304 с.

3. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — М. : Индрик, 1997. — 912 с.
4. Демкин А. «Ёжик в тумане»: апокрифическая мифология детской сказки [Электронный ресурс] / А. Демкин. — Режим доступа: <http://www.town812.ru/tuman.html>
5. Достоевский Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 12 т. — М. : Правда, 1982. — Т. 6. : Идиот (Ч. 1–2). — 368 с.
6. Достоевский Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 12 т. — М. : Правда, 1982. — Т. 7. : Идиот (Ч. 3–4). — 320 с.
7. Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем / В. В. Иванов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. — М. : Языки русской культуры, 1999. — Т. I. — С. 380–603.
8. Козлов С. Г. Трям! Здравствуйте!.. / С. Г. Козлов. — Тверь : Самовар, 2000. — 109 с.
9. Козлов С. Г. Ёжик в тумане : сказки / С. Г. Козлов. — М. : Дрофа-Плюс, 2005. — 64 с.
10. Козлов С. Г. Ёжик в тумане и другие сказки / Козлов С. Г. — М. : РИПОЛ классик, 2011. — 80 с.
11. Лахманн Р. «Истерический дискурс» Достоевского / Р. Лахманн // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика : [сб. статей] / [под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози]. — М. : Новое издательство, 2006. — С. 148–168.
12. Лекманов О. А. Из какого тумана вышел Ёжик Ю. Норштейна / О. А. Лекманов // Книга об акмеизме и другие работы. — Томск : Водолей, 2000. — С. 370–377.
13. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. — 416 с.
14. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / [пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова] ; Н. Пьеге-Гро. — М. : ЛКИ, 2008. — 240 с.
15. Сент-Экзюпери А. Маленький принц / А. Сент-Экзюпери // Французская новелла XX века. 1940 – 1970 / [пер. с фр., сост. В. Балашов и Т. Балашова]. — М. : Худож. лит., 1976. — С. 191–258.
16. Тресиддер Дж. Ёж (Дикобраз) [Электронный ресурс] / Джек Тресиддер // Словарь символов. — Режим доступа: [http://albooking.net/book_126_glava_152_%20_EZH_\(DIKOBRAZ\).html](http://albooking.net/book_126_glava_152_%20_EZH_(DIKOBRAZ).html)
17. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. — М. : КомКнига, 2007. — 280 с.
18. Фоменко И. В. Введение в практическую поэтику : [учеб. пос.] / И. В. Фоменко. — Тверь : Твер. гос. ун-т, 2003. — 151 с.